

Література:

1. Василенко Д. В. Розвиток англійської військової термінології під впливом новітніх інформаційних технологій / Д. В. Василенко // Наукові записки. Серія «Філологічна». Випуск 129. – Кіровоград : РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2014. – С. 355–358.
2. Еникеева С. М. Синергетические параметры структурной организации и развития словообразовательной системы современного английского языка / Синергетика в филологических исследованиях : монография / Т. И. Домброван, С. М. Еникеева, Л. С. Пихтовникова и др. – Х. : ХНУ имени В. Н. Каразина, 2015. – 340 с.
3. Зацкий Ю. А. Современный англоязычный мир и обогащение словарного состава / Ю. А. Зацкий. – Львів : ПАІС, 2007. – 228 с.
4. Звегинцев В. А. Мысли о лингвистике / В. А. Звегинцев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 333 с.
5. Селіванова О. О. Лінгвістична енциклопедія / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля–К., 2011. – 844 с.

УДК 821.133.1-31 Жене.09

Ю. А. Ващенко,

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, г. Харьков

КАРНАВАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В РОМАНЕ Ж. ЖЕНЕ «БОГОМАТЕРЬ ЦВЕТОВ»

В статье анализируется функционирование элементов карнавальской парадигмы (хронотоп, гротескный образ тела, символика смерти-возрождения, поэтика карнавальских увенчаний-развенчаний, профанаций и др.) в романе Ж. Жене «Богоматер цветов».

Ключевые слова: Ж. Жене, «Богоматер цветов», маргинальное сознание, карнавализация, хронотоп, смертельная тема, театрализация.

КАРНАВАЛЬНИЙ ДИСКУРС У РОМАНІ Ж. ЖЕНЕ «БОГОМАТЕР КВІТІВ»

У статті аналізується функціонування елементів карнавальської парадигми (хронотоп, гротескний образ тіла, символика смерті-відродження, поезика карнавальних увінчань-розвінчань, профанацій та ін.) у романі Ж. Жене «Богоматір квітів».

Ключові слова: Ж. Жене, «Богоматір квітів», маргінальна свідомість, карнавалізація, хронотоп, смертельна тема, театралізація.

DISCOURSE OF CARNIVALIZATION IN JEAN GENET'S NOVEL «OUR LADY OF THE FLOWERS»

The article deals with analysis of functioning of elements of carnivalesque paradigm (chronotope, carnivalesque misalliances and profanities, grotesque image of the body, poetics of crownings-discrownings, mortality topic) in Jean Genet's novel «Our Lady of the Flowers» in the context of an artistic whole. Numerous and varied demonstrations of the carnivalesque discourse in «Our Lady of the Flowers» attest the dominance of this tendency in the novel. It was proved that the system of carnivalesque motifs in «Our Lady of the Flowers» is semantically based on the mythological structures, on the symbolic of the «lower world». The results of the investigation extend the notion of novels poetical dominants and allows to place significant emphasis in the interpretation of ethical and aesthetic concept, formed in Jean Genet's novelistic prose.

Key words: Jean Genet, novel, «Our Lady of the Flowers», marginal consciousness, chronotope, poetics of carnivalization, mortality topic, staging.

Ж. Жене (1910–1986), письменник «маргінального свідомості», піддає іронічному перегляду релігійні догми, властні ідеологемі, етичні та естетичні стандарти, протиставляючи їм «інаковості» художническої позиції. Найважливішою поетологічною домікантою його автофікціональних романів виступає, на наш погляд, карнавальна образність. Дослідники творчості Ж. Жене (Ж.-П. Сартр; Л. Долиніна, Ю. Покальчук, Д. Рашупкіна) розглядають гру і маску як засвідчення тотальної театралізації дійсності у Ж. Жене, однак не ставлять питання про карнавалізацію як елемент поезії його романів. Цей аспект затронут (применительно к театру) тільки Э. Саидом в роботі «О позднему стилі: Музыка и Литература против Желания» [7], де учений позиціонує Ж. Жене як поета діонісійських форм, церемоній та карнавальних дійств. **Цель** нашої статті – проаналізувати елементи карнавальної образності, функціонуючі на різних рівнях художнического цілого в романі Ж. Жене «Богоматер цветов» (1943).

Карнавалізація, розуміючись як транспонування карнавалу на мову літератури [1], поезика інверсії двоїчності протиставлень [3], предстает як стійка літературно-жанрова традиція, охоплююча широкий спектр серйозно-сміхових жанрів. В произведениях этой жанровой линии весьма силен автобиографический и мемуарный компонент [2, с. 306].

Ж. Жене моделює світ своїх автофікціональних романів як «перевернуту» всесвітню, проєцирую константи християнської парадигми на сферу інфернальну («Его жизнь – **подземное небо**, населенное барменами, сутенерами, <...>, ночными красавицами, <...>, но жизнь его – **Небо**» [6, с. 24]), і карнавальна поезика оказується адекватною формою описання цієї моделі. По М. Бахтину, карнавалізація переводить відносини автора, читача і зображуваного світа «в зону непрямого телесного контакту» і «позволяє автору во всіх його масках і ликах вільно рухатися в полі зображуваного світа <...>» [(2, с. 306)].

В «Богоматері цветов» домікантні образи хронотопа включені в контекст матеріалізуючих карнавальних соціальних. Окно мансарди проститутки-трансвестита Дивини «**зачаровано смотрит на маленькое монмартрское кладбище**» [6, с. 19], яке перебуває з героїнею повсюду: «<...>: **и в кафе, и на бульваре, и в тюрьме, и под одеялом, и в уборной**» [6, с. 89]. В лунном сиянии «**под травой могила и под мрамором**» розличається «**призрачное шевеление мертвецов** <...>» [6, с. 89]. Тема смерті, задана цим пространственным образом, становиться лейтмотивом роману. С загробним світом отождествляется мир тюрьмы: «<...>я соглашаюсь жить в нем, как мертвецом согласился бы жить на кладбище <...>» [6, с. 205]; в колонии «Метре» по ночам «<...>, **дети возрождаются из мертвых. Приподнимаются головы, <...> затем тела целиком выбираются из коек**» [6, с. 241].

Хронотоп **дороги**, соотнесений в «Богоматері цветов» з біографічним часом тексту (життєвий шлях, шлях пізнання, подорож в глибини пам'яті), пролегає через карнавальні локації (тюрма, трущоби, бари), приймає вид символічних лабіринтів внутрішньої преисподней героя, пам'ять про які він намагається воскресити («**вновь найти те мгновения, когда я блуждал в сложных лабиринтах ловушек подземного неба, <...>**» [6, с. 22]) і локалізується в образі сходи («**Лестница, ведущая в мансарду, играет сегодня значительную роль. Она извилиста, словно коридор пирамиды, ведущий к входу в гробницу, <...>. С улицы лестница ведет к смерти**» [6, с. 19]). Сходи в «Богоматері цве-

тов» по-карнавалному фиксирует пороговое состояние – она становится площадкой, с которой возможно и вознесение на небеса («*Миньон поднялся по лестнице, <...>, так что казалось, что, достигнув крыши, он не остановится и уйдет дальше по ступенькам голубого воздуха, в небо*» [6, с. 24]), и стремительное падение в преисподнюю («*Однажды ночью она <...> решила открыть дверь и ступить на темную лестничную площадку. Плач сирен наполнял лестницу, они звали ее вниз. <...>: но это было явным приглашением к безумству или к смерти, к падению*» [6, с. 129]). С переходным временем (накануне преступления, казни или самоубийства) в романе соотносятся пространственные аналоги лестницы – **порог и двери**: «*И вот через дверь преступления, потайную дверь, которая ведет на «черную», но роскошную лестницу, торжественно входит Нотр-Дам-де-Флер. <...>. <...>, ему 16 лет*» [6, с. 106]. Живописуя тюрьмы, исправительные колонии, Ж. Жене открывает ту область, которую М. Бахтин характеризует как карнавальную (каторжники – карнавализованный коллектив, «жизнь, изъятая из жизни» [1, с. 102]). У Ж. Жене и облик каторжан часто карнавализован: «*Я знаю, что на каторге или в тюрьме внешность людей зачастую приобретает шутовской вид. <...>*» [5, с. 12].

Амбивалентный карнавалы ритуал 'увенчания-развенчания' (эманация идеи смерти-возрождения) воплощает в «Богоматери цветов» важнейшие интенции Ж. Жене. Он намерен создать ореол святости вокруг своих героев, описав их «жития» как инициационный ритуал. Его этапы – измена, предательство, убийство, а итог – приобщение к сонму избранных («*Медленно, но верно я стремлюсь избавиться ее от всякого счастья, чтобы сделать из нее святойю*» [6, с. 79]). Пассажи, возвеличивающие святость его героев (Миньон, например, «был крещен» «*Еще до рождения, в теплой утробе матери. <...>, можно даже сказать, причислен к лику святых, почти канонизирован*» [6, с. 50]), Ж. Жене предельно сближает с моментами их символического развенчания, вернее, с каскадом увенчаний-развенчаний, прибегая к обнажению приема. «*Эта пародия на королевское коронование не была для нее пустяком*» [6, с. 218], – комментирует рассказчик. Ритуал тут непосредственно связывается со смехом: «*Дивина раздражается хохотом. Жемчужная корона падает на землю и разбивается. <...>. «Дивина развенчана!...»*» [6, с. 217]. За развенчанием вновь следует увенчание, карнавальная природа которого очевидна: «*<...>. Из раскрытого рта она выдергивает вставную челюсть, водружает ее себе на череп и, <...>, восклицает <...>: «Черт подери, господи, все-таки я буду королевой!»*» [6, с. 217]. Важнейший для Ж. Жене мотив святости «обольстительных убийц», включаясь в карнавалы контекст, подвергается снижению и существенной трансформации.

Амбивалентная карнавальная символика жизни-смерти пронизывает и рамочные эпизоды «Дивинарианы» – сцены похорон и смерти проститутки-трансвестита: «*<...> черная процессия, пестрящая размалеванными лицами, пахнущая румянами и цветами, тронулась вслед за катафалком. <...>»* [6, с. 32]. Ж. Жене акцентирует карнавалы характер происходящего: черное бархатное облачение священника шито «*<...> из того же бархата, что и полумаска Фантомаса или супруги венецианского дожа на карнавале. <...>*» [6, с. 33].

Появляется у Ж. Жене и карнавалы образ беременной старости, который в контексте одержимости героев преступлением утрачивает свой положительный, воскрешающий полюс – гротескные старухи у него «беременны смертью»: «*<...> когда Эрнестина взяла его (револьвер – прим. наше – Ю. В.), тяжелый, как восставший фаллос, то осознала, что беременна убийством, беременна смертью*» [6, с. 29].

Казалось бы, карнавалы травести мужского-женского естественно вытекает из материала «Богоматери цветов»: «*Говоря о Дивине, я буду, в зависимости от своего настроения, смешивать мужское и женское <...>*» [6, с. 37]. Однако оттенки субъективного переживания героями этой внутренней расщепленности чрезвычайно многообразны, их диапазон простирается от балаганной комедии до глубокого трагизма.

Образы, связанные со сферой священного, Ж. Жене вводит в контекст снижающих мезальянсов, подвергает церковные ритуалы кощунственной профанации: уборная в глубине сада ассоциируется у рассказчика с исповедальней («*<...>, ибо самая тайная часть существа приходила сюда именно с тем, чтобы разоблачаться, как приходят в исповедальню*» [6, с. 77]), проститутка Мимоза кладет на высунутый язык, как облатку, фотокарточку любовника и проглатывает ее: «*Я обожаю ее, твою Нотр-Дам, я ею причащаюсь*» [6, с. 228]. Снижение достигается путем включения в сферу материально-телесного («*<...>, ангел (опять это слово волнует, влечет и в то же время отталкивает меня). Крылья у них есть, а вот есть ли у них зубы?*» [6, с. 23], а также шокирующими аналогиями из криминального мира: «*<...> священник волчьей походкой подошел к алтарю, молча открыл отмычкой замок дарохранительницы, <...>, затем, затаив дыхание, взял дароносицу с осторожностью взломщика, не надевшего перчаток*» [6, с. 33]; «*Тюрьма – это нечто вроде Бога, такой же варвар, которому преподносят золотые часы, ручки, перстни, <...>*» [6, с. 53].

Карнавалы оксюмороны проступают в прозвищах персонажей – проститутки-трансвеститов, воров, убийц: Дивина (божественная), Первое Причастие, Райское Яблоко, Богоматерь цветов, Ангел-солнце, Архангел.

Гротескный образ тела представлен в поэтике романа Ж. Жене традиционными акцентами – вздыбленный фаллос и разинутый рот, сливающийся с карнавалы образом поглощения-умерщвления-возрождения («*<...> а еще бывает, когда не в силах сдержать эмоции, захочешь проглотить себя самого, вывернув свой непомерно разинутый рот на голову, захватив все свое тело, а вместе с ним и весь мир; <...>*» [6, с. 43]), с мифологической символикой разрывания и поедания тотема. Концепт незавершенности, проницаемости гротескного тела преломляется у Ж. Жене в идее слияния убийцы и жертвы: «*Ваш мертвец вошел в вас: смешался с вашей кровью, течет в ваших венах, сочится из-под кожи, ваше сердце питается им, подобно кладбищенскому цветку, который прорастает из трупов...*» [6, с. 106].

Смех в романах Ж. Жене, демонстрируя карнавалы слияние хвалы и брани, преимущественно редуцирован до иронии, но иногда он взрывается инфернальным хохотом («*Иногда взрыв дикого хохота, <...>, сотрясает меня. Он звенит во мне, как радостный крик в тумане, <...>, но не оставляющий после себя никакого следа, кроме тоски по солнцу и празднику*» [6, с. 376]). Смех то присоединяется к положительному полюсу оппозиции жизнь-смерть, ибо связан с солнцем, рождением, оплодотворением [4, с. 93]), то выявляет свою изнанку: гул пролетающего над тюрьмой самолета и разрыв бомбы рождает у рассказчика амбивалентный образ: «*На мгновение я увидел одинокого ребенка, несущегося в своей железной птице, смеясь и сея смерть*» [6, с. 10].

Карнавализация захватывает и присутую романа Ж. Жене рефлексии письма. Метатекстуальные замечания пронизаны символикой умирания-воскресения: «*По мере того как вы будете читать эту книгу, ее персонажи, сама Дивина, и Кюлафруа, будут падать с тюремной стены на страницы, удобряя мое повествование подобно мертвым листьям*» [6, с. 16].

Перечень карнавалы манифестаций в «Богоматери цветов» может быть продолжен. Очевидно, однако, что карнавализация, сочетаясь в романе с другими художественными моментами (с лирической стихией как параметром авторского письма, богатейшей флористической символикой и колористикой), создает его предельно контрастную

стилистику. Снятие табу, профанации и кошуинства – карнавальный способ «демонтажа» отжившей системы преставлений, их релятивизации. Все параметры личности героя-повествователя смещены, утрированы, доведены до гротеска сценической маски. Он готов на крайние поступки (апофеоз – убийство), чтобы навсегда быть отринутым от мира, в котором царят привычные законы морали: «<...> воровство, нищенство, предательство, злоупотребление доверием и т. п. – на них я остановил свой выбор, несмотря на то, что меня неотступно преследовала мысль об убийстве, которое **бесповоротно отличает меня от вашего мира**» [5, с. 116].

Таким образом, карнавальный дискурс (во всем многообразии его конкретных манифестаций) оказывается в романном мире Ж. Жене одним из инструментов, при помощи которого маргинализованное сознание отвоевывает себе художественное пространство, разрушая привычные представления о пристойности, красоте, нормативности. На проблемно-тематическом уровне карнавализация служит способом «переворачивания» христианской парадигмы. Сочетание в романах Ж. Жене философского, религиозно-мистического элемента с карнавализацией позволяет говорить о наличии мениппейной составляющей в жанровой палитре его письма.

Литература:

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского [Текст] / Бахтин Михаил Михайлович. – М. : Советский писатель, 1963. – 167 с.
2. Бахтин М. М. Эпос и роман / Михаил Бахтин. – СПб. : Азбука, 2000. – 301 с.
3. Руднев В. П. Словарь культуры XX века / В. П. Руднев. – М. : Аграф, 1999. – 384 с.
4. Фрейдберг О. М. Поэтика сюжета и жанра / О. М. Фрейдберг ; [подг. текста, справочно-научный аппарат, пред., посл. Н. В. Брагинской]. – М. : Изд-во «Лабиринт», 1997. – 445 с. – Библиогр. : С. 397–418.
5. Genet J. Journal du Voleur / Jean Genet. – Paris, Gallimard, 1949. – 320 p.
6. Genet J. Notre-Dame des Fleurs / Jean Genet. – Lyon: Barbezat-L'Arbalète, 1948. – 383 p.
7. Said Edward W. On Late Style : Music and Literature against the Grain / Said Edward W. – Bloomsbury. – London : Bloomsbury, 2006. – 176 p.

УДК 811.11'42

Т. А. Вдовенко,

Измаильский государственный гуманитарный университет, г. Измаил

ВОСХОЖДЕНИЕ АВТОРА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЫ

Статья посвящена описанию особенностей речи нетрадиционных повествователей в англоязычной художественной литературе. Под новым углом в статье освещается вопрос и необычных типах нарраторов.

Ключевые слова: автор, повествователь, англоязычные художественные произведения.

ВОСХОЖДЕННЯ АВТОРА У АНГЛОМОВНІЙ ХУДОЖНІЙ ПРОЗИ

Статтю присвячено особливостям мови нетрадиційних оповідачів у англomовній художній літературі. Під новим кутом в статті висвітлюються питання про незвичні типи нараторів.

Ключові слова: автор, оповідач, англomовні художні твори.

AUTHOR'S COMING UP IN ENGLISH PROSE

The article focuses on the peculiarities of nontraditional narrator's speech in foreign prose, deviations from literary speech. It also touches upon the problem of the main characters' speech. Narrative in these novels is presented through narrator's point of view.

The present stage of linguistic research is characterized by an increased interest towards the problem connected with the study of peculiarities of narrator's speech in English prose.

Despite the fact that the study of the problem of narrator was investigated by many scientists, the speech of nontraditional narrators was not considered.

The relevance of the chosen topic represents the description of the characteristics of narrator's speech of the main characters. The aim of our article is to determine the peculiarities in the speech of the main characters.

On the whole, the choice of the vocabulary depends on the theme of the novel, type of narrators, and the environment of the characters, through whose point of view the stories are presented.

Such non-traditional points of view as narrative by a soul, a ghost, an unknown creature, an unusual creature, a phantom makes it possible to describe things from unexpected angle.

The results of the research can serve as a theoretical and practical basis for further study of the peculiarities of narrator's speech.

The prospects of investigation are to describe the peculiarities of narrator's speech in literature of different countries.

Key words: author, narrator, English fiction.

Цель статьи – описать особенности речи повествователей, стоящих выше человека по ступени развития (субъектов метафизических явлений: душа умершего человека, ангел, фантом, призрак, приведение; искусственный интеллект и др. необычных существ), и ведущих повествование в англоязычной художественной литературе. Задача заключается в выявлении их общих и специфических характеристик.

Объектом данного исследования послужили англоязычные произведения авторов Р. Хайнлайна «Пятница», Эльзы Баркер «Письма живого усопшего, или послание с того света», Мьюриэл Спарк «Дорога Портобелло» и рассказа Рэя Брэдбери «Тот, кто ждет».

Человечество постоянно предпринимает отчаянные попытки проникнуть в суть явлений и в секретную жизнь вещей. Для того, чтобы выйти к более глубокому пониманию реальности, литература использует прием, который определяется как «остранение». Он заключается в том, что наряду с традиционными рассказчиками от 1-го лица, с целью создания у читателя впечатления остранинности, автор выбирает «необычного» нарратора [3, с. 135]. Этот прием введен в научный обиход в 1915 году Виктором Шкловским. В теории «остранения» исследователь стремился обобщить способ обновления восприятия и показа явлений. По его мнению, остранение часто похоже по своему построению на загадку [1, с. 75].

Термин «остранение» чаще всего соотносится с английским «defamiliarization» или «making strange», указывающим на то, что функция литературы заключается в возобновлении свежести восприятия, которое стало привычным и автома-